Детские страшные истории XXI века: прагматика и бытование

Татьяна Викторовна Савельева [1]

✉ tatjana-saveljeva2010@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3257-2655

[1] Челябинский государственный университет (Миасский филиал), Миасс, Россия

Для цитирования статьи:
Савельева, Т. В. (2020). Детские страшные истории XXI века: прагматика и бытование. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 322–330. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-322-330.

Детские страшные истории и в XXI веке остаются продуктивным фольклорным жанром, привлекающим значительный интерес фольклористов, антропологов, культурологов и психолингвистов. В настоящей работе исследуются материалы регионального полевого исследования в горно-заводской зоне Челябинской области, собранные во время студенческой практики Миасского филиала ЧелГУ. Нашей целью было дать ответ на следующие вопросы: чего боятся современные дети или же, напротив, чего они стараются не бояться с помощью детских страшных историй? Есть ли у таких нарративов региональный компонент? Как меняются традиционные мотивы и персонажи под влиянием популярной культуры? В ходе работы удалось прийти к следующим выводам:
Зафиксировано множество упоминаний традиционных мифологических персонажей: людоедов, зомби («зомбаков»), ходячих покойников, домовых, водяных, Пиковой дамы, привидений – в порядке убывания числа вхождений.
Современные реалии, к примеру, мобильные телефоны, навигаторы и компьютеры, вошли в детских историях в число «предметов-убийц».
В текстах, рассказывающих о нарушении запрета, главный антагонист – покойник, а действие происходит на кладбище. Образы вампиров, колдунов и ведьм утрачивают негативные коннотации благодаря литературе и кино; они становятся привлекательными для детей и подростков и исчезают из детских страшных историй. Локальный фактор в детских страшных историях на Южном Урале представлен инопланетянами и людьми в лабораторных халатах, выходящими из горного хребта; эта тема реактуализировалась после падения Чебаркульского (Челябинского) метеорита 15 февраля 2013 года.

Ключевые слова: детские страшные истории, мифологические персонажи, ассоциативно-оценочный образ, региональный компонент

Children's scary stories of the 21st century: Pragmatics and existence

Tatjana V. Savelyeva [1]

✉ tatjana-saveljeva2010@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3257-2655

[1] Chelyabinsk State University (Miass branch), Miass, Russia

To cite this article:
Savelyeva, T. (2020). Children's scary stories of the 21st century: Pragmatics and existence. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 322–330. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-322-330.

Children's scary stories remain a productive genre in the 21st century and attract a lot of interest from folklorists, anthropologists, scholars of culture, and psycholinguists. Our work examines the materials of regional field research in the mining and factory zone of the Chelyabinsk Region, collected during practical trainings with students of the Miass branch of Chelyabinsk State University. Our goal was to answer the following questions: what are contemporary children afraid of or, on the contrary, what are they trying to not be afraid of with the help of children's scary stories? Is there a local factor to such narratives? How do traditional motives and characters change when influenced by popular culture? Our conclusions came to be as follows:
We have recorded a lot of mentions of traditional mythological characters: cannibals, zombies ("zombaki"), undead, house spirits, water spirits, the Queen of Spades, ghosts — in order of decreasing number of mentions.
Contemporary realities, e.g. mobile phones, GPS navigators and computers, are now listed as "killer objects" in children's stories.
In the texts that dwell on violation of a ban, the main antagonist is an undead person and the scene takes place in a cemetery. Vampires, warlocks and witches lose their negative connotations due to literature and cinema; they become attractive to children and teenagers and disappear from children's scary narratives. The local factor in children's scary stories in the Southern Urals is represented by extraterrestrials and people in lab coats appearing from the mountain range; the theme was reactualized after the fall of the Chebarkul (Chelyabinsk) meteorite on February 15, 2013.

Keywords: children's scary stories, mythological characters, associative-evaluative image, local factor

Детские страшные истории стали объектом изучения отечественной науки с последней трети XX века, однако и спустя почти полвека среди исследователей нет единства в определении жанра, нет единой признанной жанровой классификации и методологии изучения, что осложняется междисциплинарностью подхода к явлению. Детское страшное изучают психолингвисты, психологи, фольклористы, социологи и другие представители гуманитарной науки. Данное явление обозначено М. В. Осориной и О. Н. Гречиной как «страшилки» [Гречина, Осорина 1981: 96–106], «жутким детским фольклором» и «ужасным фольклором советских детей» называют его Э. Успенский и А. Усачев [1998], «страшным фольклором» — К. А. Рублев [1992], «страшным детским повествовательным фольклором» — В. А. Шевцов [2006]. Мы будем пользоваться термином М. Лойтер «детские страшные истории», определяемым как «мифологические рассказы [детей] о страшном» [Лойтер 1998]. Жанрообразующими признаками при этом являются сюжетность, устойчивая структура, прагматика (вызвать переживание страха для самоутверждения личности).

В настоящее время накоплено внушительное количество работ, исследующих различные аспекты обозначенного фольклорного явления. Так, О. Ю. Трыкова и К. А. Рублев рассматривают взаимосвязь детских страшных историй и литературы, как классической, так и современной [Рублев, Трыкова 1992]; А. С. Мутина [2002: 7] показывает региональное бытование детского страшного на примере удмуртского фольклора; Т. А. Мирвода пишет о неоднородности и жанровом многообразии детских страшных историй и предлагает свою классификацию данного явления, а также модель указателя [Мирвода 2018: 38–48]; Н. И. Белозубова и К. А. Титова [2015: 123–128] сопоставляют детские страшные истории в русской и китайской картине мира, Э. Г. Матвеева рассматривает маркеры страха в детских историях в сопоставлении с мифологическими рассказами [Матвеева 2017:

120–129]; сопоставляет систему жанров детских страшных историй с традиционной мифологией и Е. Е. Левкиевская [2006: 24–34].

Наше исследование представляет собой синхронический срез детских страшных историй 2018–2019 годов, собранных в ходе собственного наблюдения за живой традицией. Тексты записаны в детских оздоровительных лагерях Челябинской области, в основном, горно-заводской зоны, в начальных школах Миасского городского округа, в интернет-чатах этого же региона. В непосредственной обстановке рассказывания историй детьми своим сверстникам было записано 16 текстов (как полноценных сюжетов, так и слухов, толков) из 89, остальные являются пересказом взрослому в ходе интервью. Возраст информантов ограничивался интервалом от 7 до 11 лет. Соответственно, мы оставили за границами исследования крипипасту в силу того, что там обычно пишут авторы более старшего возраста, а нарративы, публикующиеся на подобных ресурсах, по семантике и прагматике далеко стоят от детских страшных историй, хотя не исключают присутствие последних.

Анализируя сюжеты страшных историй, их персонажей и детские страхи, мы попытались найти ответы на вопросы: какие из традиционных мифологических существ, предметов со сверхъестественными свойствами продолжают бытовать в современных детских нарративах о страшном? Насколько повлияла на структуру, семантику и коннотацию данных текстов массовая культура? Присутствуют ли в изучаемых текстах этнокультурные особенности, и насколько они важны?

Одна из возможных классификаций детского страшного в основе содержит вопрос: кого/чего боятся дети? Она включает в себя тематические группы, ядром при этом служит страшный персонаж, подобно указателям по демонологии. Сверхъестественными свойствами в тексте могут быть наделены существа, предметы или явления. Чего же боятся современные дети?

Из традиционных мифологических существ в записанных нами текстах зафиксированы людоеды, зомби («зомбаки»), покойники, домовые, водяные, Пиковая дама, привидения — в порядке уменьшения количества упоминаний. Все они в детских страшных историях являются абсолютными антагонистами человека, без часто встречающейся в мифологических рассказах, быличках и бывальщинах взрослой амбивалентности. Большинство нарративов бытуют в качестве фабулатов, они заканчиваются смертью главного героя — ребенка, нарушившего какой-либо запрет: не выходить ночью на улицу, не садиться в машину к незнакомым, не подходить к воде, не включать телевизор, не открывать дверь и др. Главным по распространенности антагонистом в подобных текстах служит ***покойник***, а местом действия — кладбище.

> Поехал мальчик как-то летом в сад. А ему лень было ждать автобуса, а тут останавливается машина черная, в ней женщина красивая с черными волосами. Если бы мужик, мальчик не поехал бы, а тут женщина красивая — он и сел в машину, а там сиденья черные кожаные, руль черный и маникюр у женщины тоже черный. Проезжают они сад, а машина не останавливается. Мальчик говорит: «Вы меня куда везете?» А женщина поворачивается и говорит: «На кладбище» [*информант старается произнести это как можно страшнее*]. И губы у нее при этом страшно шевелятся, и они тоже черные. А когда на кладбище приехали, она подвела мальчика к могиле разрытой и говорит: «Раньше я тут лежала, а теперь ты будешь лежать», — и жутко смеялась: «Ха-ха-ха». И зарыла мальчика живьем, с тех пор его больше никто не видел[1].

[1] Глеб, 10 лет, Миасс, записано в ДОЛ «Космос» Т. В. Савельевой 12.07.2018.

Мы видим здесь типичное наказание за нарушение запрета. Структура полная, включая косвенное проговаривание запрета — «если бы мужик, мальчик не поехал бы». Типичным является и место наказания — кладбище, оно включает в себя региональный компонент, так как в Миассе Северное кладбище находится как раз за садами, следующая остановка автобуса, что должно придавать истории большую правдоподобность. Слово «черный» повторяется 4 раза, так как черный цвет ассоциируется со злом, смертью. Других лексических маркеров страха в сюжете нет.

Необходимо отметить, что региональный компонент встретился нам и в других детских страшных историях, прежде всего, записанных в детских лагерях. Э. Г. Матвеева уже писала о вероятной связи практики рассказывания страшных историй с появлением детских пионерских лагерей в 1920-е годы [Матвеева 2017: 120–129]. Сегодня самый обширный пласт подобных текстов мы также записываем в детских оздоровительных лагерях. Это связано, прежде всего, с тем, что именно в летнем оздоровительном лагере есть детский коллектив, как одновозрастный, так и разновозрастный, позволяющий передавать какие-то истории из поколения в поколение. Тогда как в обычной жизни дети все меньше общаются «вживую»: в школе мало возможности для неформального общения, дворовые компании вымирают как вид, даже дни рождения и праздники родители стараются организовывать, регламентировать, приглашать аниматора, лишая детей возможности самим придумать свой досуг. Именно в детском оздоровительном лагере были записаны страшные истории, связанные с «ложной могилой». Несколько поколений детей из старших отрядов или вожатых ДОЛ «Космос» водили к ней младших в сон-час, пугая различными историями. Приведем часть одной из них:

> Вот сюда не наступайте, видите, огорожено камушками. Это могила. Ну не знаю, настоящая или нет. Может, ты хочешь проверить, есть ли там кости? Сначала слушай сюда, потом наяривать будешь. 10 лет назад в нашем лагере была девочка, она очень хотела домой, все время плакала, а мама не приезжала. Тогда она ночью как-то взяла и сбежала. Думала, до города же близко, дойду быстренько. Но ночью в лесу она заблудилась, а потом из-под земли вышло что-то такое страшное, что она замертво упала. Ну и умерла. А похоронили ее здесь, потому что мама сказала, что это не ее дочь, что у нее вообще никогда не было дочери. Только все лето каждую ночь кто-то приносит к могиле цветы, видишь, лежат?[2]

Налицо вновь прагматическая функция запугивания, профилактика нарушения запрета, в данном случае — возможного побега из лагеря. Это один из наиболее развернутых нарративов о «ложной могиле», но нами записано и несколько текстов без полного сюжета, в качестве слухов о ней, воспоминаний о том, что на «могилу» водили, показывали ее, хотя, судя по указанию каких-либо ориентиров, это были разные места.

К региональному компоненту мы бы отнесли и распространенность в детских страшных историях Южного Урала образа ***инопланетян***. После падения 15 февраля 2013 года Чебаркульского (Челябинского) метеорита в регионе реактуализировались мифологические рассказы об инопланетянах, внеземных цивилизациях, что нашло отражение и в детских страшных историях:

> За НПО [Научно-производственное объединение электромеханики — предприятие оборонно-промышленного комплекса, находится в лесной зоне Миасса] ходить нель-

[2] Данила, 15 лет, Миасс, ДОЛ «Космос», записано Т. В. Савельевой 12.07.2018.

зя. Ну, если дурак совсем, то можешь идти, потому что туда только дураки ходят. А мне старшаки [старшие дети] рассказывали: там открывается гора, и из нее выходят зеленые фигуры... конечно, инопланетяне, а кто еще-то! И забирают тебя с собой, у них там вход на космодром. А ты не можешь сопротивляться, потому что они гипнотизируют. Ну, они не убивают, они тебя для опытов берут, тоже приятного мало. К тому же неизвестно, когда отпустят, вдруг к этому времени все твои друзья уже умрут. И родителей жалко, они же волноваться будут[3].

Есть еще один вариант этого же сюжета, не связанный с инопланетянами, там фигурируют люди в зеленых халатах и масках. Как мы видим, здесь маркером зла выступает не черный, а зеленый цвет.

На наш взгляд, появление инопланетян в детских страшных историях — отголосок разговоров взрослых после падения метеорита. Записывая устные рассказы об этом явлении в 2013 году, мы фиксировали различные версии события: инопланетный корабль, американская ракета, неудавшиеся учения нашей армии. Но и сегодня, спустя семь лет, многие из этих версий бытуют в обиходе местных жителей, и связано это с недоверием к официальным источникам информации. Это недоверие один из информантов выразил следующим образом: «Правду нам все равно никогда не скажут»[4]. Люди же в зеленых халатах и масках могли войти в нарративы еще после атомной катастрофы 1956 года на «Маяке», после которой проводились работы по очищению территории и переселению попавших под атомный след деревень.

Слово *дурак*, зафиксированное в данном нарративе, единственное грубое в тех историях, которые информанты рассказывают как страшные. Напротив, грубая и ненормативная лексика встречается в историях, над которыми сами дети смеются, несмотря на страшный с виду сюжет.

Потерялся мальчик в кукольном магазине, и вдруг ему на спину прыгает кукла Чаки и говорит на ухо: «Я тебе отрежу х..р». Мальчик испугался, потерял сознание. А тут пришла его мама, но кукла Чаки влезла в мальчика, и он очнулся, и они пошли домой[5].

Правила поведения при встрече со страшным персонажем нам встретились только в одном сюжете, где герой-антагонист — живой ***злодей*** и не обладает никакими сверхспособностями:

Один мужик разрезал жене губы по бокам; она надела маску, подходила к людям и спрашивала: «Я красивая?» Если отвечали «да», она и у них разрезала губы, если «нет» — она их убивала; и самое главное — если ты ее встретишь, надо спросить: «А я красивая?» — и пока она будет думать над ответом, у тебя будет время для того, чтобы убежать[6].

Среди записанных нами детских страшных историй не встретились сюжеты с ***вампирами, ведьмами и колдунами***. Одно из объяснений этому, на наш взгляд, может быть следующим. Вампир в фольклорном сознании всегда был исключительно отрицательным персонажем, ведьма и колдун могли быть амбивалентными, могли быть вредителями и помощниками, дарителями. Однако сегодня массовая культура, литература и кинематограф 2000-х заполнены произведениями, меняющими коннотацию данных персонажей. Сага «Сумерки», семь книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере, фэнтези Ника Перумова и «дозоры» Сергея Лукьяненко привели к тому,

[3] Марина, 9 лет, записано М. Уфимцевой 09.07.2019.
[4] А. П., водитель, 44 г., записано Т. В. Савельевой 09.03.2013.
[5] Зося, 8 лет, записано Д. Дружиловской 10.08.2019.
[6] Кира, 8 лет, записано М. Горевой 12.01.2020.

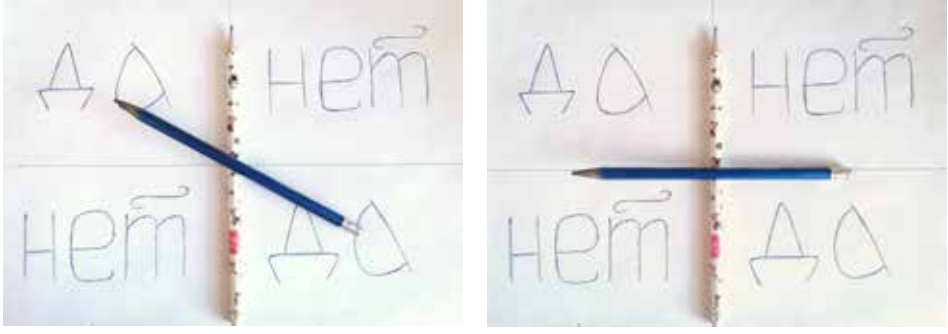
что ассоциативно-оценочный образ самих слов меняется, как меняется и отношение к таким персонажам. Они перестают быть абсолютным злом, приобретая человеческие качества: доброту, сострадание, умение любить, и вызывают не страх, а скорее зависть — вампиры очень красивы, умны, обладают многими сверхъестественными способностями и бессмертны. Такой герой не пугает, а восхищает. То же с колдунами и ведьмами. Из разговора с мальчиком 11 лет:

> Это был самый грустный мой день рождения. [Почему?] Потому что мне не пришло письмо из Хогвартса, значит, я не волшебник и никогда не научусь колдовать[7].

> А Слендерман, на самом деле он не плохой, а одинокий, поэтому похищает детей, чтоб потом с ними играть[8].

Боятся ли дети детских страшных историй?

О следующей истории нам рассказала мама девочки, столкнувшаяся со страхом дочки-первоклассницы, которая перестала спать одна, она все время повторяла: «Чарли придет и меня убьет». После расспросов выяснилось, что в школе дети ***вызывали духов***. В последние пару десятков лет вызываниям посвящено не одно исследование отечественных ученых, например, «Пиковая дама в детском фольклоре» А. Л. Топоркова и «Детские “вызывания” в Пудожском районе» А. А. Соловьевой [Топорков 1998, Соловьева 2005].

Илл. 1–2. Вызывание Чарли

По словам девочки, было совсем не страшно, пока вызывали Пиковую даму. А потом кто-то из мальчиков предложил вызвать Чарли. На вопрос «кто это?» девочка пояснила, что это дух злого подростка, появляется ниоткуда, «из воздуха», увидеть его невозможно, только «почувствовать холодок» от присутствия и поговорить с ним. Откуда пришла игра, она не знает, мальчику, предложившему ее, показали третьеклассники. На листке бумаги чертится квадрат: в левом верхнем углу и правом нижнем пишется слово «да», в левом нижнем и правом верхнем — слово «нет» (*Илл. 1–2*). В центр кладутся два карандаша крест-накрест, и устанавливается равновесие верхнего карандаша. Потом произносятся ритуальные слова.

[7] Саша, 11 лет, записано Т. В. Савельевой 22.02.2012.
[8] Зося, 8 лет, записано Д. Дружиловской 10.08.2019.

> Надо говорить: «Чарли, приди к нам» — 3 раза. Потом: «Чарли, ты здесь?» Холодок по затылку и неприятные мурашки означают, что Чарли пришел и ему можно задавать любые вопросы. Но последним обязательно должен быть вопрос: «Чарли, ты убьешь нас?» Мы когда вызвали, то у нас вышло, что Чарли придет и нас убьет[9].

Кейтлин Дьюи, журналистка Washington Post, в статье «Полная и правдивая история Чарли-Чарли, "демонической" подростковой игры, обошедшей интернет» [Dewey 2015, May 26] исследовала феномен популярности этой игры и предположила, что она ведет свое происхождение от испанской Juego de la Lapicera (Набор ручек). Но, повторюсь, маленький информант знает ее как школьное вызывание духов, не зная о шести миллионах результатов в поисковике Яндекса по запросу «вызываем Чарли» и четырех тысячах видео в Яндекс.Видео.

При вызывании Чарли участники стараются соблюдать запреты, ранее уже зафиксированные фольклористами при описании вызываний других духов (Пиковой дамы, Гоголя и т. п.): нельзя разговаривать никому, кроме проводящего ритуал, нельзя смеяться, оглядываться, отпускать руки (в варианте вызывания, где дети держатся за руки, образуя круг вокруг листка с карандашами), нельзя присутствовать детям младше семи лет, нельзя присутствовать тем, кто не верит в ритуал. Несмотря на то, что 92% информантов, рассказывающих о вызываниях, отметили, что им не было страшно (или не стали признаваться в своем страхе — мы не проводили психологического эксперимента, только фиксировали со слов детей их восприятие), мы видим, что в описанном случае реакция девочки говорит об отрицательном воздействии на детскую психику.

Кроме антропоморфных персонажей в записанных нами детских страшных историях фигурируют и ***предметы-убийцы***: телефон, цветные карандаши (или один карандаш из коробки цветных), ваза для цветов, компьютер, навигатор.

> [А ты знаешь какие-нибудь страшные истории про кладбище?] Конечно, знаю. Мертвецы на кладбище, они ведь ждут, когда живой человек сделает что-нибудь не так, чтобы затащить к себе. Один пацан... [Ты его знаешь?] Я его видел, но он большой, такие с нами не играют, им не интересно. Ну, в общем, ему родители купили машину, а он, в общем, решил навигатор купить. Все знают, что в интернете нельзя покупать, а он, в общем, в интернете заказал навигатор, купил, а потом поехал с ним. Едет он, в общем, спокойненько, слушается навигатора: «поверните налево», «поверните направо». Потом, смотрит, уже за Машгородок выехал, а ему не туда надо было. Ну и, в общем, приезжает он на кладбище, ворота перед ним сами открываются, а он не может остановить никак машину. Он тогда, в общем, вылез на ходу из нее и убежал, а машина уехала, он не пошел ее искать. [А кто тебе эту историю рассказал?] Брат старший, мы с ним никогда не покупаем ничего в интернете[10].

Зачастую чтобы избавиться от этих предметов, их недостаточно выбросить, а необходимо уничтожить.

Таким образом, анализируя собранный материал, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, традиция рассказывания страшных историй продолжает бытовать в форме устного рассказывания, не подкрепленного визуализацией, аудиосопровождением, роликами в интернете или иными средствами распространения информации. Реализуется данная практика преимущественно в детских оздоровительных лагерях, т. е. в местах, где детский коллектив имеет возможность (или испытывает необходимость)

[9] Кира, 8 лет, записано М. Горевой 12.01.2020.

[10] Артур, 9 лет, записано А. Евсеевой в ДОЛ «Космос» 10.07.2018.

находиться без взрослых. Во-вторых, состав персонажей детских страшных историй меняется под воздействием массовой культуры и процессов глобализации. Некоторые персонажи, например, вампиры, колдуны, перестают восприниматься детьми как отрицательные, следовательно, исчезают из страшных нарративов, несмотря на свою популярность и востребованность в других жанрах. В-третьих, в детских страшных историях, как и в мифологической прозе, мы можем отметить наличие регионального компонента.

Литература

Белозубова, Н. И., Титова, К. А. (2015). Жанр «страшной истории» в русской и китайской национальной картине мира. *Вестник Бурятского государственного университета, 10*(1), 123–128.

Гречина, О. Н., Осорина, М. В. (1981). Современная фольклорная проза детей. *Русский фольклор, 20: Фольклор и историческая действительность*, 96–106.

Левкиевская, Е. Е. (2006). Мифологическая система страшилок в сравнении с традиционной мифологией. В Е. В. Кулешов, М. Л. Лурье (Ред.). *Детский фольклор и культура детства: материалы науч. конф. «XIII Виноградовские чтения»*, 24–34. СПб.: СПбГУКИ.

Лойтер, С. М. (1998). Указатель типов и сюжетов-мотивов детских страшных историй («страшилок»). В А. Ф. Белоусов (Ред.). *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, 56–66. М.: Ладомир.

Матвеева, Э. Г. (2017). Когда душа в пятках, а глаза на лбу: маркеры страха и режимы вовлечения в детских страшных историях. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2017*(12), 120–129.

Мутина, А. С. (2002). Народная несказочная проза и страшные истории с элементами быличек в среде детей. *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика.* Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm

Мирвода, Т. А. (2018). Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции. *Вестник Томского государственного университета, 2018*(436), 38–48.

Рублев, К. А., Трыкова, О. Ю. (1992). Художественная литература и «страшный» детский фольклор (аспекты взаимодействия). В *Проблемы детской литературы*, 34–48. Петрозаводск.

Соловьева, А. А. (2005). Детские «вызывания» в Пудожском районе. *Живая старина, 2005*(2), 51–53.

Топорков, А. Л. (1998). Пиковая дама в детском фольклоре. В А. Ф. Белоусов (Ред.). *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, 15–37. М.: Ладомир.

Усачев, А., Успенский, Э. (1998). *Жуткий детский фольклор*. М.: Росмэн.

Шевцов, В. А. (2006). Страшный детский повествовательный фольклор: жанры и тексты. В Е. В. Кулешов, М. Л. Лурье (Ред.). *Детский фольклор и культура детства: материалы науч. конф. «XIII Виноградовские чтения»*, 43–64. СПб.: СПбГУКИ.

Dewey, C. (2015, May 26). The complete, true story of Charlie Charlie, the "demonic" teen game overtaking the Internet. *Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2015/05/26/the-complete-true-story-of-charlie-charlie-the-demonic-teen-game-overtaking-the-internet

References

Belozubova, N., Titova, K. (2015). The genre of "scary stories" in Russian and Chinese national worldviews. *Bulletin of Buryat State University, 10*(1), 123–128. (In Russian).

Grechina, O., Osorina, M. (1981). Contemporary children's folklore prose. *Russian Folklore, 20: Folklore and Historical Reality,* 96–102. (In Russian).

Dewey, C. (2015, May 26). The complete, true story of Charlie Charlie, the "demonic" teen game overtaking the Internet. *Washington Post*. Retrieved from https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2015/05/26/the-complete-true-story-of-charlie-charlie-the-demonic-teen-game-overtaking-the-internet

Levkievskaya, E. (2006). Mythological system of scary stories in comparison with traditional mythology. In E. Kuleshov, M. Lurie (Eds.). *Children's folklore and culture of childhood: Materials of the 13th Vinogradov readings scientific conference,* 24–34. Saint Petersburg: SPb-GUKI. (In Russian).

Loiter, S. (1998). Index of types and plots-motifs of children's horror stories ("scary stories"). In A. Belousov (Ed.). *Russian school folklore: From "summonings" of the Queen of Spades to family stories*, 56–66. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Matveeva, E. (2017). When you go yellow-bellied and your eyes glaze over: Markers of fear and engagement modes in children's scary stories. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies, 2017*(12), 120–129. (In Russian).

Mutina, A. (2002). Folk non-fairytale prose and scary stories with elements of folkloric accounts among children. *Folklore and post-folklore: Structure, typology, semiotics.* Retrieved from http://www.ruthenia.ru/folklore/mutina1.htm. (In Russian).

Mirvoda, T. (2018). Children's scary narrative folklore: On the genre diversity of the tradition. *Tomsk State University Journal, 2018*(436), 38–48. (In Russian).

Rublev, K., Trykova, O. (1992). Fiction and "scary" children's folklore (aspects of interaction). In *Problems of children's literature,* 34–48. Petrozavodsk. (In Russian).

Solovieva, A. (2005). Children's "summonings" in Pudozhsky District. *Antiquity Alive, 2005*(2), 51–53. (In Russian).

Toporkov, A. (1998). The Queen of Spades in children's folklore. In A. Belousov (Ed.). *Russian school folklore: From "summonings" of the Queen of Spades to family stories*, 15–37. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Usachev, A., Uspensky, E. (1998). *Spooky children's folklore*. Moscow: ROSMEN. (In Russian).

Shevtsov, V. (2006). Scary narrative children's folklore: Genres and texts. Children's folklore and the culture of childhood. In E. Kuleshov, M. Lurie (Eds.). *Children's folklore and culture of childhood: Materials of the 13th Vinogradov readings scientific conference*, 43–64. Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian).